

ИГУМЕН НИКОН (ВОРОБЬЕВ)

ПИСЬМА

о духовной жизни

Игумен Никон (Воробьев)
Письма о духовной жизни

«Благовест»

2013

(Воробьев) И.

Письма о духовной жизни / И. (Воробьев) — «Благовест», 2013

Широкое, в настоящее время, обращение к вере отцов – Православию – не всегда, к сожалению, увенчивается правильным его пониманием. Исполнение всех церковных установлений без понимания сути Православия легко может привести верующего к приобретению не богоподобных свойств смирения и любви, а прямо богопротивных: самомнения, гордыни, фарисейства. Как достичь спасительной пристани и войти в Царство Божие – это, по выражению отцов, наука из наук и искусство из искусств. Потому так важна та особенность Православия, что оно, в отличие от всех других направлений современного христианства, которые исследуют эту науку по своему разумению, полностью основывается на святоотеческом учении и опыте. Ответу на вопрос, что такое Православие и как жить в соответствии с православным учением, и посвящена эта книга писем одного из замечательных подвижников нашей Церкви 20-го века игумена Никона (Воробьева).

© (Воробьев) И., 2013

© Благовест, 2013

Содержание

Предисловие	6
«Я искренне всегда стремился к Богу»	8
Адресаты писем игумена Никона	27
Письма иеросхимонаху Мелетию	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Игумен Никон (Воробьев)
Игумен Никон (Воробьев).
Письма о духовной жизни

© Издательство «Благовест» – текст, оформление, оригинал-макет, 2015
© Осипов А. И. – составление, 2013

Предисловие

Широкое, в настоящее время, обращение к вере отцов – Православию – не всегда, к сожалению, увенчивается правильным его пониманием. Очень часто под Православием подразумевают его внешнюю сторону, его «одежду»: богослужения, таинства, обряды, церковную дисциплину, правила и прочее, которые являются лишь его «иконой», необходимыми вспомогательными средствами к усвоению Православия, но не им самим. Ибо исполнение всех этих церковных установлений без понимания сути Православия легко может привести верующего к приобретению не богоподобных свойств смирения и любви, а прямо богопротивных: самомнения, гордыни, фарисейства.

Именно это привело иудеев, видящих сущность своей веры в скрупулезном исполнении внешних предписаний ветхозаветной религии, к отвержению пришедшего Мессии-Христа, сделав их богоборцами. Не случайно Господь множество чудес сотворил в субботу, когда по иудейскому закону ничего нельзя было делать, обличая тем самым этих ревнителей «буквы» и отеческих преданий. Всё это Он делал, чтобы показать, что спасение достигается не обрядоверием, а чистотой сердца, *ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбоддеяния, любоддеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления – это оскверняет человека; а есть неумытыми руками – не оскверняет человека* (Мф. 15, 19–20). Это научение Спасителя в высшей степени насущно сегодня для православного верующего. Ибо одним из самых больших для него искушений является усмотреть сущность христианства не в исполнении заповедей Христовых, а в приверженности к внешне-обрядовой жизни.

Что же такое Православие?

Ответу на данный вопрос и посвящена эта книга писем одного из замечательных подвижников 20-го века нашей Церкви игумена Никона (Воробьева). Если попытаться кратко выразить основную ее мысль, то можно сказать следующее.

Православие – это правильная духовная жизнь (в отличие от множества ее искажений), основанная на вере в Господа Иисуса Христа и Его Евангелие. Такая жизнь скрыта от посторонних взоров, ибо она представляет собой борьбу в сердце человека, из которого исходят как добрые, так и злые намерения, мысли, желания. Эта жизнь, прежде всего, приводит верующего к познанию глубокой поврежденности человеческой природы, своей личной греховности и, отсюда, необходимости Спасителя. И по вере этого познания она открывает искренно трудящемуся христианину и всю красоту Царства Божия, скрытого внутри каждого человеческого сердца (Лк. 17, 21).

Но как достичь спасительной пристани и войти в Царство Божие – это, по выражению отцов, наука из наук и художество из художеств. Потому так важна та особенность Православия, что оно, в отличие от всех других направлений современного христианства (католицизма, протестантизма, псевдохристианских сект), которые исследуют эту науку по своему разумению, полностью основывается на святоотеческом учении и опыте. Сам личный опыт отдельного верующего и учение любой христианской общины (как православной, так и неправославной) оценивается исключительно через призму соборного опыта отцов – только он для Православия является единственно достоверным критерием истинности в оценке всех истин веры и явлений духовной жизни. Причина такого подхода понятна. Когда святые отцы согласно учат по каким-либо вопросам, то это их согласие свидетельствует, что они высказывают не свое личное мнение, а передают голос того же Духа Божия, которым написано само Священное Писание. Потому их согласное учение по любому вопросу веры и духовной жизни является в Православии гарантом истины, и знание основ этого учения необходимо для каждого христианина.

Хочется надеяться, что предлагаемый очерк о жизни игумена Никона и его письма дадут возможность лучше понять путь духовной жизни и тех опасностей, которые стоят на нем, – понять, что есть Православие.

«Я искренне всегда стремился к Богу»

Игумен Никон (в миру Николай Николаевич Воробьев) родился в 1894 году в крестьянской семье села Микшино, Бежецкого уезда, Тверской губернии. Он был вторым ребенком. Всего в семье было шестеро детей, все – мальчики¹. В детстве Коля, кажется, ничем не отличался от своих братьев, разве только особой честностью, послушанием старшим и удивительной сердечностью, жалостью ко всем. Эти черты он сохранил на всю жизнь.

В связи с этим интересно отметить один эпизод из его детской жизни. В их селе часто появлялся и подолгу жил юродивый по прозвищу Ванька-малый, которого охотно привечали

¹ Старший брат Ваня скончался в отрочестве. Его младшими братьями были: Александр (1895–1988), Михаил (1899–1982), Василий (1903–1961), Владимир (1906–1985).

родители Коли. И вот однажды, когда дети играли, этот юродивый вдруг подошел к Коле и, указывая на него, несколько раз повторил:

«Это – монах, монах». Эти слова ничего, кроме смеха, ни у кого не вызвали. Но через 30 лет это удивительное предсказание исполнилось – именно Коля стал монахом.

Ванька-малый был действительно прозорливым. Он также за несколько десятков лет предсказал смерть матери Коли в Таганроге.

Как-то, подойдя к ней и сложив руки трубочкой, стал наигрывать: «Дуру-дара, дуру-дара, в Таганроге жизнь скончала». В семье тогда никто даже не слышал о существовании такого города. В 30-х годах она действительно переехала в Таганрог к сыну Василию и там скончалась. После начальной школы, которую Коля окончил блестяще, отец сумел устроить его в реальное училище в Вышнем Волочке. И здесь он сразу же обратил на себя внимание своими исключительными и разносторонними способностями. Он обнаружил прекрасные математические дарования, был великолепным стилистом. Он не раз говорил, что ему всегда легко было писать сочинения. Это видно и по его письмам, которые он писал, как правило, сразу, без черновиков. Пел (тенором) в хоре, играл на альте, выступал в разных программах на школьных мероприятиях, прекрасно чертил и рисовал. Младшие братья рассказывали, что его рисунки еще при них висели в классах в качестве образцовых. При переходе из класса в класс он неизменно получал награду первой степени (похвальный лист и книгу).

Но в каких условиях жил и занимался Коля в реальном училище?

Из дома помогали лишь в начальных классах. Когда же он решил учиться дальше, помощи ему ждать было неоткуда: родители жили совсем небогато, да кроме него было еще четыре сына, также нуждавшихся в образовании. Поэтому Коле продолжать учиться пришлось в условиях, которые для современного человека покажутся невероятными. Сразу же после обязательных уроков он, еще мальчуган, вынужден был, чтобы заработать на хлеб, идти и помогать отстающим обеспеченным товарищам. За это ему немного платили. Проведя там несколько часов, он прибегал на квартиру (за которую нужно было платить) и брался за подготовку своих уроков. Трудности увеличились, когда в то же реальное училище поступил его брат Миша, помочь которому мог только он один.

Нужда, голод и холод были постоянными его спутниками во всё время обучения. Зимой он ходил в легком бессменном пальто и в «штиблетах» даже без стелек.

* * *

Семья, из которой вышел батюшка, была православной. Но вера эта, как и у большинства простых людей, носила обрядовый характер, была внешней, традиционной, не имела под собой ни знания христианской веры, ни твердой духовной основы. Подобная вера в лучшем случае воспитывала честных людей, но полученная на бытовом уровне, по традиции, была не прочной и легко утрачивалась.

Отец Никон говорил, что народ в своей основной массе потому легко оставил веру после революции, что многие пастыри более пасли самих себя, чем паству, вместо назидания ее истинам веры и жизни часто были просто механическими требоисправителями. Всё их научение состояло в призыве к исполнению того, что «положено»: крестить, венчать, отпевать, ходить по праздникам в храм, соблюдать посты, причащаться раз в год. Народ почти ничего не знал о духовной жизни, о борьбе со страстями, его редко кто учил этому. Поэтому, как только ему сказали, что церковь – это обман попов, очень многие перестали верить и в Бога. Ибо если церковь – обман, то и Сам Бог – выдумка. Это и случилось с Николаем. В реальном училище он потерял веру. Это был человек глубокой натуры. В отличие от многих, его не увлекала обыденщина этой жизни. Он искал смысла жизни. И это искание носило не отвлеченный философский характер, но исходило из самого сердца, захватывало всю его душу. В этом отноше-

нии он был очень похож на Ф.М. Достоевского, который говорил, что его осанна Христу *через большое горнило сомнений прошла*.

Поступив в реальное училище, он с жадной ринулся в изучение наук, наивно полагая, что в них скрывается истина, поверив атеистической пропаганде, которая широко развернулась в России после манифестов («Об укреплении начал веротерпимости», «Об усовершенствовании государственного порядка») 1905 года Николая II о свободе печати и всех вероисповеданий (кроме Православной Церкви). Эта слепая вера в науку легко вытеснила у него столь же слепую в то время веру в Бога. Только в старших классах он понял, что эмпирические науки вообще проблемами познания Истины, духовного мира, бытия Бога не занимаются, вопрос о смысле жизни человека в них не только не ставится, но и не вытекает из природы самих этих наук. Увидев это, он со всем пылом своей натуры занялся изучением истории философии, в которой достиг столь больших познаний, что к нему по каким-то вопросам иногда обращались даже его преподаватели.

Искание им Смысла было столь велико, что часто, оставаясь в прямом смысле слова без куска хлеба, он на последние деньги покупал книгу. Читать ее он мог только ночью. Ночами изучал он историю философии, читал классическую литературу – и все с одной целью, с одной мыслью: найти истину, найти смысл жизни.

Но чем больше он приобретал знаний и становился взрослее, тем обостреннее чувствовал бессмысленность этой жизни, заключенной между рождением и неминуемой смертью. Смерть – удел всех, без исключения. А если так, то каков же смысл жизни, которая может оборваться в любой момент? Для себя жить нет смысла, а для других? Все другие – такие же смертные, смысла жизни которых, следовательно, также нет. И зачем в таком случае живет человек, если ничто не спасает ни его, ни кого-либо от смерти? Ни наука, ни философия на этот вопрос ответа ему не дали. *«Изучение философии, – говорил он в конце жизни, – показало, что каждый философ считал, что он нашел истину. Но сколько их, философов, было? А истина одна. И душа стремилась к другому. Философия – это суррогат; все равно, что вместо хлеба давать жевать резину. Питайся этой резиной, но сыт будешь ли? Понял я, что как наука не дает ничего о Боге, о будущей жизни, так не даст ничего и философия»*.

* * *

В 1914 году, двадцати лет, Николай блестяще оканчивает реальное училище, но выходит из него без радости.

Разуверившись и в науке, и в философии, он предпринимает еще одну попытку найти научный ответ на главный вопрос жизни: зачем я живу? Он поступает в Психоневрологический институт в Петрограде. Однако и здесь его постигло глубокое разочарование. *«Я увидел: психология изучает вовсе не человека, а «кожу» – скорость процессов, апперцепции, память... Такая чепуха, что это тоже оттолкнуло меня. И совершенно ясен стал вывод, что надо обратиться к религии»*².

Окончив первый курс, он вышел из института. Наступил окончательный духовный кризис. Борьба была столь тяжелой, что начала приходиться мысль о самоубийстве.

И вот однажды летом 1915 года, в Вышнем Волочке, когда Николай вдруг ощутил состояние полной безысходности, у него, как молния, промелькнула мысль о детских годах веры: а что, если действительно Бог существует? Должен же Он открыться? И вот, юноша, неверующий, от всей глубины своего существа, почти в отчаянии, воскликнул: *«Господи, если Ты есть, то откройся мне! Я ищу Тебя не для каких-нибудь земных, корыстных целей. Мне одно только надо: есть Ты или нет Тебя?»* И... Господь открылся.

² Здесь и далее цитируется с магнитофонной записи.

«Невозможно передать, – говорил батюшка, – то действие благодати, которое убеждает в существовании Бога с силой и очевидностью, не оставляющей ни малейшего сомнения у человека. Господь открывается так, как, скажем, после мрачной тучи вдруг просияет солнышко: ты уже не сомневаешься, солнце это или фонарь кто-нибудь зажгет. Так Господь открылся мне, что я припал к земле со словами: «Господи, слава Тебе, благодарю Тебя! Даруй мне всю жизнь служить Тебе! Пусть все скорби, все страдания, какие есть на земле, сойдут на меня, – даруй мне все пережить, только не отпасть от Тебя, не лишиться Тебя».

Долго ли продолжалось это состояние: час, два, он точно не помнил. Но когда поднялся с колен, то услышал мощные, размеренные, уходящие в бесконечность удары церковного колокола. В первый момент он не придал этому значения, полагая, что звонят в монастыре, который был неподалеку. Но звон не прекращался, да и время оказалось слишком поздним для благовеста – за полночь.

Николай долго недоумевал относительно этого звона, опасаясь, не галлюцинация ли это? Объяснение пришло позже, когда он нашел подобное же в автобиографических заметках у С.Н. Булгакова в «Свете Невечернем», а также вспомнил рассказ Тургенева «Живые мощи» в «Записках охотника», где Лукерья тоже говорила, что слышит звон “сверху”, не смея сказать “с неба”. Он понял, что Господь иногда наряду с внутренним откровением являет человеку и особые внешние знаки для его большего удостоверения.

Так совершился у него полный переворот в мировоззрении. Бог явил Себя тому, кто искал Его всеми силами своей души. Господь ответил на эти искания и дал ему *вкусить* и *увидеть*, что Он **есть** и что Он **благ**.

* * *

Но юноша совершенно не знал, что теперь делать и каков должен быть путь его новой жизни, чтобы не утратить найденной истины. Батюшка рассказывал, как в школе учил их Закону Божьему священник: заставлял зубрить тексты, не вникая в их смысл, пересказывать Священное Писание и заучивать одним голым рассудком догматы, заповеди, факты истории Церкви без какого-либо приложения к духовной жизни, к мысли о спасении. Преподавание велось настолько мертво, схоластично, что уроки Закона Божьего, вспоминая он, превращались в *«время острот и кощунств»*. Христианство изучали как один из обычных светских предметов, но не как путь ко Христу и этим совершенно убивали дух в учащих. Во всем преподавании не чувствовалось жизни. Не случайно преподобный Варсонофий Оптинский говорил: *«Революция вышла из семинарии»*.

Батюшка в связи с этим часто говорил, что именно по причине такого *«духовного»* образования самые злые безбожники выходили из стен духовных школ, а наш народ, участвуя лишь в церковных мероприятиях, оставался без знания Православия и потому легко поддавался атеистической пропаганде.

Вот что говорил отец Никон о своих дальнейших шагах жизни после обращения.

«А в дальнейшем уже Господь ведет человека сложным путем, очень сложным путем. Я был поражен, когда после такого откровения Божия вошел в церковь. И раньше ведь приходилось: и дома заставляли ходить, и в средней школе нас водили в церковь. Но, что там? Стоял, как столб, не интересовался, занимался своими мыслями и все.

Но когда после обращения сердце немного открылось, то в храме я первым делом вспомнил предание о посланцах князя Владимира, которые, когда вошли в греческую церковь, уже не знали, где находятся: на небе или на земле. И вот первое ощущение в церкви после пережитого состояния, что человек – не на земле. Церковь – не земля, это кусочек неба. Какая радость была слышать: «Господи, помилуй!» Это просто невероятно действовало на сердце: все бого-

служение, постоянное воспоминание имени Божия в разных формах, песнопениях, чтениях. Это вызывало какое-то восхищение, радость, насыщало...

В наше время очень трудно. Нет руководителей, нет книг, нет условий жизненных. И на этом пути – обращаю ваше внимание, подчеркиваю, – на этом сложном пути, как это видно у всех святых отцов, самое важное, самое трудное – привести человека к смирению, ибо гордость привела и денницу, и Адама к падению. И вот это – путь Господень для человека, который всей душой решился жить ради Господа, чтобы спастись. А без смирения человек не спасается. Хотя мы и не достигаем настоящего смирения, но, так сказать, начального уровня можем достигнуть.

И когда человек вот так придет, припадет ко Господу: «Господи, сам я ничего не знаю (на самом деле, что мы знаем?), делай со мной, что хочешь, только спаси», – тогда Господь начинает вести человека Сам».

Действительно, ничего еще не знал в то время юноша о духовном пути, а спросить было, увы, говорил он, не у кого. Оставалось лишь одно – припасть со слезами к Богу и просить Его указать путь. И Господь повел его. «Повел так, что я после этого года два в Волочке жил, занимался с книгами, молился дома». Это был период «горения» сердца. Он не видел и не слышал того, что делалось вокруг него. В то время он снимал одну половину частного дома в Сосновицах [Тверская губерния]. Ему было всего 21–22 года. За тонкой перегородкой – пляски, пение, смех, игры молодежи: там веселились. Приглашали и его. Но потерял он вкус к миру, к его наивным, близоруким, сиюминутным радостям.

«Ешь, пей, веселись» – этот девиз не устраивал ни его сознание, ни, тем более, его сердце.

Эти два года жизни были у него временем непрерывного подвига, настоящего аскетизма. Впервые он познакомился здесь с творениями святых отцов, впервые, по существу, с Евангелием. Вот что рассказывал батюшка об этом периоде:

«И только у святых отцов и в Евангелии я нашел действительно ценное. Когда человек начнет бороться с собой, будет стремиться идти путем евангельским, то ему святые отцы сделаются необходимыми и своими родными. Святой отец – уже родной учитель, который говорит душе твоей, и она воспринимает это с радостью, утешается. Как тоску, уныние, рвоту вызывали эти философии и всякие сектантские гадости, так, наоборот, как к родной матери, приходил к отцам. Они меня утешали, вразумляли, питали.

Потом [в 1917 г.] Господь дал мысль поступить в Московскую духовную академию. Это много для меня значило». По его словам, благодаря лекциям, прежде всего, отца Павла Флоренского он получил здесь теоретическое обоснование бытия Бога, духовного мира, понимание смысла жизни.

Но через год академия была закрыта.

«Затем Господь устроил так, что я еще несколько лет мог пробыть в Сосновицах один, в уединении». Здесь в средней школе он преподавал математику, имея небольшое количество часов. Однако его уволили из школы после того, как он отказался заниматься на Пасху. В 1925 году он переезжает в Москву и устраивается псаломщиком в Борисоглебском храме. Здесь он близко сходитя с настоятелем храма Феофаном (Семеняко), которого вскоре возводят во епископа и направляют в Минск.

За десять дней до своей смерти на праздник Успения Божией Матери батюшка из последних сил рассказал кое-что собравшимся у его постели близким об этом отрезке своего пути в качестве «психологической иллюстрации духовной жизни из уст уже умирающего человека – может быть, послужит для пользы»:

«И там [в Сосновицах] жил по-подвижнически: ел кусок хлеба, тарелку пустых щей. Картошки тогда не было почти. И при этой, так сказать, настоящей подвижнической жизни (теперь можно все сказать) я весь день находился в молитве – в молитве находился и в посте. И вот тут-то я понял духовную жизнь, внутреннее состояние: Господь открыл действие в

сердце молитвы. Я думал, что Господь и далее устроит меня куда-нибудь в деревню, в какой-нибудь домишко-развалюшку, где я мог бы продолжать такую же жизнь. Хлеба мне было вот, с полладони достаточно, пять картофелин (я уже привык) – и все.

Господь не устроил этого. Кажется, почему бы? А для меня понятно. Потому что в самой глубине души выросло мнение о себе: вот как я подвижнически живу, я уже понимаю сердечную молитву. А какое это понятие? Это одна миллиардная доля того, что переживали святые отцы. Я говорю вам, чтобы вы немножко поняли. И вместо такого уединения Господь устроил так, что я в самую грязь ввалился, чтобы я вывалился в ней, понял, что я сам ничто, и припал бы к Господу, и сказал: «Господи, Господи, что я? Только Ты наш Спаситель».

Я познал, что Господь так устраивает потому, что нужно человеку смириться. Кажется, ясно? Но вот совсем-то для человека и не ясно это оказывается. После этого принял монашество, был в лагере, вернулся и все равно привез высокое мнение».

* * *

В Минске 23 марта (5 апреля по новому стилю) 1930 года в Вербное воскресенье состоялся монашеский постриг Николая Николаевича. Он получил имя в честь игумена Радонежского Никона, ученика преподобного Сергия. Постриг совершил епископ Минский Феофан, с которым они вместе переехали сюда из Москвы. В день Благовещения Пресвятой Богородицы, 25 марта того же года, отец Никон был рукоположен во иеродиакона, а 26 декабря 1932 года (на второй день Рождества Христова) – во иеромонаха тем же епископом.

Приходится поражаться той силой веры и ревности Николая Николаевича, которые подвинули его в это лютое время гонений на Церковь на принятие монашества и священства. Немногие решались на подобный подвиг. Это было действительным отречением от мира и прямым путем на Голгофу! И она не замедлила прийти к иеромонаху Никону 5 апреля (23 марта по ст. ст.) 1933 года в самый день пострига отец

Никон был арестован и сослан в сибирские лагеря на пять лет строить будущий Комсомольск-на-Амуре. О том, что там перенесли заключенные, невозможно без содрогания слушать, читать, вспоминать. Теперь лишь стали открываться ужасы тех лет. Батюшка почти ничего не рассказывал – за ним была непрерывная слежка. Но в одном из писем он чуть-чуть поделился воспоминанием об этом периоде своей жизни:

«Сегодня, 5/IV–30 года, было Вербное воскресенье. Я получил новое имя. А через три года, тоже 5/IV–33 г., я был verhaften [арестован]. Это было действительно отречение от всего. Наше поколение (их уже мало в живых) буквально было навозом для будущих родов. Потомки наши не смогут никогда понять, что пережито было нами. Достойное по делам нашим восприняли. Что-то вы воспримете? А едва ли вы лучше нас. Да избавит вас Господь от нашей участи!» Когда вышла книга А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», то батюшка, прочитав ее, сказал: «Солженицын, видимо, сидел на курорте, а не в лагере». А ведь многих поразили те тяжелые условия жизни заключенных, которые описывает Солженицын в этом сочинении.

В лагере незадолго до своего освобождения батюшка неожиданно на короткое время встретился со знакомым епископом Феодосием (Зацинским), который дал ему следующий документ (на всякий случай):

«19/II–1937 г.

г. Комсомольск-на-Амуре

Удостоверение

Предъявитель сего иеромонах Никон, в мире Николай Николаевич Воробьев... в вере верности заветам Святой Православной Церкви тверд, в слове Божиим и святоотеческой литературе весьма начитан, жизни и образа мыслей строго православно-христианского. Крест уз лагерных нес терпеливо, без уныния и скорби, подавая свою жизнь добрый пример всем его окружающим. С пользой для Православной Церкви может быть использован как приходский пастырь и даже как ближайший верный сотрудник епархиального святителя, что удостоверяю.

Феодосий (Зацинский), епископ Кубанский и Краснодарский, б. Могилевский

* * *

Вследствие зачета рабочих дней, а в действительности прямым Божиим чудом, батюшка был досрочно освобожден в 1937 году. Возвратившись из лагеря, он устроился в Вышнем Волочке в качестве универсальной прислуги у очень авторитетного в городе знакомого врача-хирурга Сергиевского Михаила Львовича (1872–1955), с сыном которого он учился в Реальном училище и заступничество которого потом не раз спасало о. Никона от нового ареста. Но здесь ему пришлось пройти еще один суровый курс науки подвига и терпения. Жена врача Александра Ефимовна и ее сестра, тоже врач, Елена Ефимовна были убежденными атеистками и в открытой, часто саркастической форме выражали свое отношение и к христианству, и к своему монаху-служке. О том, как он реагировал на это, лучше всего говорят последующие факты из жизни этой семьи. Обе сестры, в конечном счете, оставили веру в атеизм и стали настоящими христианками. И привели их к Христу не просто его ум, энциклопедические познания и ясные ответы на самые, казалось бы, сокрушительные вопросы о христианстве, но в гораздо большей степени его истинно христианская жизнь, подвижничество и поразительное терпение.

Он жил на втором этаже флигеля в небольшой комнатке. Этот флигель, основной дом и вся усадьба сохраняются до настоящего времени. Усадьба огромная, порядка полутора гектаров. На ней батюшка насадил одними своими руками фруктовый сад с самыми разными породами яблонь, груш, слив, вишен, смородины, крыжовника, не говоря уже о различных огородных культурах, которые приходилось выращивать в большом количестве, поскольку у Михаила Львовича постоянно проживали приезжавшие и приходившие друзья, знакомые и пациенты. Невольно поражает тот объем работ, который выполнял один иеромонах Никон! Но сейчас весь участок зарос, запущен – ухаживать некому.

История обращения первой из сестер, Александры, очень интересна и необычна. Ее описала в своем дневнике Елена Ефимовна.

«30 мая 1940 года. Еще после смерти сестры, Александры Ефимовны, явилось у меня желание описать ее болезнь и смерть и то, что она частично открывала нам о себе. Пусть то, что я расскажу, послужит во славу Божию.»

Сестра моя была неверующая всю свою жизнь. Идеи сестры насчет веры, Бога и религии были типичны для интеллигента ее времени. Она относилась нетерпимо ко всему, что касалось религии, и возражения ее часто носили циничный характер. В эти годы в нашем доме жил Николай Николаевич (отец Никон). Я всегда страдала от ее тона и не любила, когда Николай Николаевич затрагивал эти вопросы. Любимым возражением сестры на все доводы Николая Николаевича были слова: «Написать-то все можно, все книги о духовном содержат одно вранье, которое только бумага терпит.»

Она безнадежно заболела (рак желудка) и не переставала глумиться над верой, стала очень раздражительной, потеряла сон, аппетит и слегла в постель. Сперва за больной ухаживал ее муж, но от бессонных ночей он стал валиться с ног. Днем у него было много работы в больнице. Тогда мы ввели ночные дежурства с Николаем Николаевичем. У нее был период сильной раздражительности, требовательности, она каждую минуту требовала что-нибудь. Когда ей стало трудно напрягать голос, Николай Николаевич провел электрорзвонок к ее изголовью. Он сидел по ночам в комнате больной.

Приехала из Ленинграда жена старшего сына больной – Е.В., но она недолго погостила. Ей больная рассказывала о своем видении. Видела она, как в комнату вошли семь старцев, одетые в схиму. Они окружили ее с любовью и доброжелательством и сказали: «Пусть она его молитвами увидит свет!». Николай Николаевич запретил говорить «его молитвами», а Е.В. утверждала, что больная говорила именно так. Это явление повторилось несколько раз.

Тогда больная сестра обратилась к Н.Н. с просьбой об исповеди и Причастии.

Она не говела сорок лет. Просьбу больной Н.Н. выполнил сам, и видения прекратились. В душе больной совершился перелом: она стала добра и кротка со всеми. Стала ласкова. [Эта перемена чрезвычайно поразила домашних и всех знавших ее.] Н.Н. рассказывал, что после Причастия она рассуждала с ним о том, что если бы это галлюцинации были, то почему же они сразу прекратились после Причастия Святых Тайн и повторялись несколько раз до него? Ум ее работал до последнего вздоха. Она сказала, что если бы она выздоровела, то первая ее дорога была бы в церковь, в которой она не была сорок лет. Сознание у нее было ясное, и она много думала и говорила: «Каждый человек должен умереть в вере отцов!»

Эту историю рассказывал и сам батюшка, но передавал только следующие слова старцев: «У вас в доме есть священник, обратись к нему».

О второй сестре, Елене Ефимовне, батюшка говорил, что, уверовав, она так каялась, как еще никто в его священнической практике. Это было стенание из глубины души. Она вскоре приняла монашеский постриг с именем Серафимы. Когда в 1950 году она скончалась, и ее, врача, как было принято в те времена, хоронили от больницы торжественно, с музыкой, никто не знал, что под подушкой в гробу лежали монашеские мантия, параман, четки. В своих письмах батюшка очень просил поминать всех знавших ее, ибо она много делала добра. Так, 13/X–50 года он писал: «...вчера вернулся из Волочка. Там умерла Елена Ефимовна, которую знает мать Валентина, меня вызвали телеграммой. Я ей обещал похоронить ее и обещание исполнил. Она много доброго сделала для меня. Прошу всех поминать ее».

* * *

С открытием церковей батюшка приступил к священнослужению. В 1944 году епископом Калужским Василием он был назначен настоятелем Благовещенской церкви города Козельска, где и служил до 1948 года.

Здесь он жил на квартире у монахинь и вел по-прежнему в полном смысле слова подвижнический образ жизни. По воспоминаниям общавшихся с ним в то время, он был невероятно истощенным. В маленькой (5–6 кв. метров), отгороженной тесовой перегородкой комнатке, он все свое время проводил в молитве (так говорили монахини, которые потихоньку подглядывали и часто видели его стоящим на коленях), чтении Священного Писания, святых отцов. Литургию совершал кроме воскресных и праздничных дней каждую среду, пятницу, субботу и даже в небольшие праздники. Как правило, проповедовал за каждой литургией, часто и в будни, хотя бы народу было и немного, иногда и за вечерним богослужением. Его проповеди производили сильное впечатление на верующих, и не потому, что он обладал даром слова, но своей искренностью, глубиной понимания духовной жизни, постоянным обращением к святым отцам.

* * *

В Козельске отец Никон имел духовное общение с последним постриженником подобного Амвросия Оптинского иеросхимонахом Мелетием (Барминым, †12 ноября 1959). Отец Мелетий был и последним духовником женской Шамординой обители (недалеко от Козельска). Он также не избежал лагеря. Говорили, что на каком-то допросе, когда его довели до почти бессознательного состояния, он будто бы подписал на кого-то обвинительную бумагу. *Органы*, конечно, часто использовали такой метод. Но в чистоте души отца Мелетия легко можно было убедиться, пообщавшись с ним хотя бы несколько минут. Он отличался необычайной кротостью, был очень немногословным. Спросят его: «Батюшка, как жить?» Он отвечает: «Всегда молитесь», – и всё. Вокруг него всегда был мир и покой.

После закрытия монастыря у него продолжали духовно окормляться шамординские сестры, которых было немало в Козельске; приезжали к нему люди и из других мест. Отец Мелетий скончался в глубокой старости, 96-ти лет, и был похоронен в Козельске. Теперь его прах перенесен в Оптину пустынь.

Сохранилось несколько писем игумена Никона к этому святому человеку.

В 1948 году отца Никона начали *гонять* по приходам: сначала перевели в г. Белев, затем в г. Ефремов, далее – в г. Смоленск. Его проповеди нигде не давали покоя уполномоченным по делам Церкви, да и собратьям нередко тоже. Из Смоленска епископом Сергием в том же 1948 году он был направлен в город Гжатск (ныне Гагарин), по словам батюшки, – в ссылку. Не понравилось ему здесь. Неприветливо и встретили его.

Позднее он писал: *«Чтобы остаться в “Окопах”³, надо было поступить так, как все делают, а я не хочу; вторая причина – бояться меня везде, думают, что все потечет ко мне... Да будет воля Божия. Лучше жить в захолустье, но с чистой совестью, чем в столице, но путем неправым. Люди, в конце концов, только орудия в руках Божьих. И дурные действия Господь направляет ко благу.*

Я уже успокоился. Церковь [в Гжатске] мала, очень мал алтарь в зимней части, неудобно, зато хорош староста, на редкость. Мне не придется много уделять внимания на хозяйство церковное. Он все сделает, и довериться ему вполне можно. Мне было потому еще тяжело, что не было возможности целую неделю остаться одному. Жил прежний настоятель. Еще преимущества здесь: близко Москва, летом хорошо, лес рядом, говорят, очень много малины, речка тоже есть, от нас около 1/2 км. Правда, до вас дальше, но что делать. Если угодно Господу, то и опять буду близко.

Уже собираются писать епископу благодарность, что меня послал сюда, но я просил не делать этого и вообще меньше говорить обо мне, бесполезно для души... и тела.

Я пока питался с дьяконом и сторожихой, но придется купить керосинку или иначе приспособиться и готовить самому, к чему я давно привык, так как долго жил один».

* * *

Бояться, как огня, привязанности к каким-либо вещам, удобствам, комфорту и, естественно, их источнику – деньгам, предупреждал игумен Никон. На это он часто обращал внимание своих собеседников. Сам постоянно помогал, чем мог, знакомым монахиням, которые нигде не могли работать, нуждающимся родственникам, незнакомым людям, обращавшимся к нему за помощью. Было несколько случаев, которые обнаружились уже после его кончины,

³ Один из районов в Смоленске, где был действующий храм.

когда он неожиданно давал деньги совсем незнакомому человеку, находившемуся в отчаянном положении. И имущества у него никакого не было. В Гжатск приехал, имея старую зимнюю рясу одного оптинского иеромонаха, поношенный теплый подрясник, который он через некоторое время сжег ввиду полной его ветхости, летнюю рясу с двумя или тремя легкими подрясниками. Вот и все его имущество, если не считать еще нескольких алюминиевых ложек и вилок. Он органически не мог переносить чего-либо не необходимого, называя всё это хламом, который обременяет душу. *Многая имения*, повторял он, *умножает печаль* (заботы). Был решительным противником всякой красоты, мягкости, элементов какой-либо роскоши, говоря, что всё это развивает в человеке тщеславие, праздность и глупое, пустое самомнение. Его одежда всегда была сшита из самого дешевого материала портнихой-самоучкой и выглядела иногда довольно неуклюже. Он был доволен этим.

Себя батюшка в одном из писем так характеризует: *«Прибавьте к этому некоторые его [так он писал о себе] личные черты: стеснительность при чужих людях, отсутствие интереса к их разговорам, нежелание оторваться от своего дела (потому что еще не привык быть в себе при людях) и прочее».*

Он никогда не снимал подрясника – ни дома, ни на огородных и других работах, на которых трудился много и до пота, ни в городе, в том числе и в Москве. В то же время он никогда не надевал монашеской мантии, клобука. Когда его спрашивали, почему он так делает, отвечал, что в монастыре эта форма естественна, а на приходах она делает монаха предметом повышенного нездорового любопытства, бесполезного и для него, и для народа.

«Народ очень любит зрелища, говорил он. Поэтому у очень многих верующих сама религия сводится к чисто внешней, обрядовой ее стороне. И форма часто оказывается одним из подобных зрелищ». Сам он очень малое значение придавал внешним формам.

Однажды, отвечая одному адресату по этому вопросу, он писал: *«Что Н. [то есть он сам] не ценит “всякой формы” — вполне [здесь и везде подчеркнуто им] с Вами согласен. Только скажу, что это неценение не исходит из головы, т. е. из каких-то рассудочных соображений, и не из гордости (так мне кажется, может быть, ошибаюсь?), а как-то изнутри. Н. слишком отчетливо сознает превосходящую всякое разумение ценность “внутреннего”, крохи которого доступны ищущему и без особой формы, если только мы с Вами не понимаем слово форма⁴ по-разному. Считаю нужным сказать, что Н. безусловно признает необходимость Церкви со всеми Таинствами для всех, а для многих и всю обрядность, не всегда обязательную для всех. Мне кажется, что мы живем в такое время, когда умение и способность обходиться минимумом внешнего при правильной внутренней жизни не будет минусом, а плюсом, особенно в дальнейшем. Только это труднее, не всем доступно, и надо иметь некоторую способность к этому».*

А вот что просил он привезти ему из его Козельской кельи. *«Если м. Валентина придет, то надо взять комплект постельного белья и все, что ей нужно. А мне, кажется, ничего не надо. Из книг надо обязательно с этажерки: служба Великого поста и Страстной Седмицы. Точно заглавия не помню – небольшая книжка на этажерке, на средней полке, в темном переплете. Да, проповеди тоже с этажерки, на воскресные и праздничные дни, кажется, издание Киевской Академии. А может быть, они и в шкафу на кухне. Еще Авву Дорофея и у Скворца⁵ Исаака Сирина. Больше пока ничего не надо».*

Батюшка любил рассказывать следующий эпизод из жизни преподобного Пахомия Великого. Когда в одном из монастырей, над которыми преподобный начальствовал, братия поставила красивые ворота и с восторгом стала показывать их преподобному, то он приказал привя-

⁴ Сюда же можно отнести и такие формы вежливости, как поздравления, визиты, ответы на письма и проч., не вызываемые необходимостью.

⁵ Так прозвали монахиню Павлину (Сидорцову), которая жила в половине того дома, вторую часть которого занимала Лиза (монахиня Евпраксия).

зять к одному из столбов, на которых висели ворота, веревку и тянуть до тех пор, пока ворота не перекошились. Братия расстроилась и недоумевала, но преподобный ответил, что стыдно монаху привязываться к вещам. Батюшка всегда и во всем строго придерживался этого правила.

* * *

В духовном отношении, по словам батюшки, гжатский период жизни многое дал ему в познании себя. А главное, говорил он, ему приоткрылось некоторое понимание того, что есть начальное смирение. *«Вот Игнатий Брянчанинов, да вознаградит его Господь, все время говорит об этом. Его вы теперь не понимаете. Все у него внутри звучит мысль о смирении. Что же такое смирение? У меня к пониманию смирения был такой переход. Однажды мне пришла мысль, совершенно отчетливая и ясная: а что такое все наши дела, все наши молитвы, наше всё?! Надо лишь взывать, как мытарь: «Боже, милостив буди мне, грешнику!». Сердце вот тут-то у меня и поняло, поняло, что самое существенное – это милость Божия. Это было понятно не умом, а сердцем. И вот с этих пор я стал обращать в себе эту мысль, жить этой мыслью, молиться этой мыслью, чтобы Господь не отнял, а развил ее. Это есть начальное смирение – начальное, подчеркиваю, – [сознавать] что мы сами – ничто, а творение Божие, мы – создание Божие только. Поэтому чем нам гордиться, что нам противопоставлять Богу? Хотя Господь почтил нас величайшим достоинством – быть сынами Божиими, но это – дар Божий. Потом, призывая, искупил нас для того, чтобы восстановить, усыновить Себе, но и это опять дар Божий. Грешим, грешим – Господь прощает, это – дар Божий. А у нас что? У нас своего – ничего. Вот это должно войти в сердце человеческое. Не умом нужно понять, а сердцем.*

Человек должен в каждой молитве, как бы он ни вдохновился, какое бы восхищение в молитве Господь ни дал человеку, он должен молиться в основе, как мытарь: «Боже, будь милостив мне, грешному». Всё, и даже вот это вдохновение – всё это есть дар Божий. Нет в нас ничего доброго, всё – от Господа. Словом, как говорил Давид, я – блоха во Израиле, я – червь, а не человек. Что думаете, для красоты что ли эти слова он говорил? Нет. Они исходили из этого состояния, о котором я говорю. К этому искренно надо прийти и из этого состояния должна исходить всякая наша молитва. Это и есть начальное смирение, именно начальное. Отсюда исходит еще другое, о чем я должен сказать как о самом важном. Человеку необходимо почувствовать не умом и не только сердцем, а всем своим существом, с головы до пят, непостижимую ни для человеков, ни для Ангелов любовь Божию. Он должен благодарить Бога, славословить Его, преклоняться пред Ним, пред Господом, за Его великую милость и любовь. Он должен бы желать не только быть распятым рядом с Ним и перенести все, но быть растерзанным на куски, и не только растерзанным, а терзаемым всю жизнь. Вот как он должен себя чувствовать. А мы, окаянные, не можем и малейшей скорби терпеть, даже самой малейшей.

Поэтому первыми словами молитвы и поставлены Церковью слова: «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе», то есть: «Слава, благодарение Тебе, Господи, за Твою милость, за Твою любовь, за снисхождение, за то, что Ты, Господь, Творец вселенной, пред Которым трепещут все Ангелы, снизошел до того, что позволяешь нам называть Тебя своим Господом и обращаться к Тебе, молиться Тебе».

Всё Господь делает для человека, для его радости, для его спасения, даже для его удовольствия. Всё делает Господь, лишь бы это было в пользу, а не во вред человеку. Поэтому нечего бояться, нечего страшиться скорбей. Всё Господь сделает, может избавить от всего. Для нашей пользы только не все делается. Поэтому нам надо преклоняться пред Господом

(вот и нужны для этого свои отдельные комнаты), благодарить, славословить, молиться Ему от всей души...

Понятно? Умом понятно, а сердцем еще далеко вам понять. А чтобы понять сердцем, во-первых, обязательно надо молиться уединенной молитвой. Обязательно! А потом жить по-евангельски, каяться в грехах. Ибо человек должен не только понять, но почувствовать, что мы – мытари, что должно обращаться к Богу, как мытарь. Не просто к этому придешь. А приходит человек многократным падением, нарушением заповедей Божьих. Раз пал, встал, покался. Опять пал. Опять встал. И в конце концов поймет, что погибает без Господа.

К Сисою Великому пришел один брат и говорит: «Отче, я пал». – «Встань». – «Встал, опять пал». – «Еще встань». – «До каких же пор?» – «До смерти». Когда человек поймет, глубоко, сердцем, это свое падение, поймет, что сам человек ничто, весь в падении, начнет взывать к Господу: «Божже, милостив будь мне, грешному, видишь, в каком я состою», – тогда он может прийти в состояние начального смирения и спастись. Вот почему при искании Бога не нужно отчаиваться...»

Много различных неприятностей, откровенных угроз для жизни и прямых нападений пережил батюшка в Гжатске, много было приходской суеты. «*Но эта суета, – говорил он перед смертью, – дала мне возможность увидеть: ничего не можем мы сами сделать доброго*».

В связи с вопросом о духовной жизни, батюшка довольно часто в своих беседах подчеркивал, что духовность – это совсем не чудеса и явления, не исцеления и прозорливость, тем более, не духовные одеяния и слова о духовности, которыми любят иные щеголять, как модной одеждой. И многие книги, предупреждал он, написанные о духовности, пронизаны языческим, нехристианским духом. Она даже не добрые дела и не просто исполнение церковных правил и установлений, но жизнь по заповедям

Евангелия, борьба со страстями и покаяние. Такая жизнь, во-первых, открывает человеку его грехи, до того практически им невидимые, во-вторых, показывает ему его бессилие искоренить их. Это порождает искреннюю покаянную молитву, приводит человека к смирению, которое только и позволяет Богу войти в душу и очистить ее от всякого греха. Батюшка часто приводил замечательные слова святого Исаака Сирина: «*Воздаяние бывает не добродетели и не труду ради нее, но рождающемуся от них смирению. Если же оно оскудевает, то первые будут напрасны*».

Единственно духовные писания, говорил он, это творения святых отцов и подвижников Церкви, например, отцов Добротолюбия, святителя Игнатия Брянчанинова. В них действительно пребывает Дух Святой, и ими только можно и должно руководствоваться. В связи с этим как насущно звучит его мнение о Западе и о западной религиозной литературе для настоящего времени.

«Хорошо, что у нас граница закрыта. Это великая милость Божия к нашему народу. Нас бы завалили (особенно Америка) дьявольской, сатанинской и сектантской литературой, а русские люди очень падки на все заграничное и окончательно погибли бы. Возьмите Бердяева. Какие кощунственные выражения допускает он о святых отцах! Он их, значит, никогда не читал или читал одним кусочком мозга, без сердца, без души. Он совершенно не понимает христианства и потому писал ложь о святых отцах. И очень многие, особенно в эмиграции, писали о духовных вопросах совершенно неправильные, лживые вещи. Говорит о Боге, а сам – дьявол.

Такие дивные книги у святых отцов, и разве можно вместо них читать всякую макулатуру под видом духовной литературы? Например, книга так называемого архимандрита Спиридона⁶ о молитве – это сплошной обман, в лучшем случае – самообман, это полное иска-

⁶ Не помню, что за книга. В ней, в частности, описывалось, как этот архимандрит перелетал по воздуху (А.О.).

жение христианства, ложь о духовности, о молитве. Такие книги способны только погубить человека, ввести его в явную прелесть».

* * *

К вопросу духовничества батюшка относился в полном соответствии с наставлениями святителя Игнатия. Его он цитировал, его учение рассматривал как самое верное и необходимое в наше время. Особенно нравилась ему следующая мысль святителя: *«Точно – тогда исполняют обязанность свою наставники, когда они ищут, чтобы в душах, приводимых ими ко Христу, возвеличивался и возрастал один Христос. Они желают умалиться во мнении своих водимых, лишь бы возвеличился для них Христос, тогда эти наставники ощущают полноту радости, как достигшие конца своих желаний. Напротив того, те, которые приводят вверенные их руководству души к себе, а не ко Христу, скажу безошибочно, прелюбодействуют».* Этой мыслью он руководствовался всегда. Поэтому его отношения с обращающимися к нему за советом отличались скромностью и простотой, что придавало общению с ним характер отеческо-дружеской беседы. У него не было «благословений» приказов, требующих беспрекословного послушания. Он очень предупреждал опасаться приказывающих духовников. Ибо такое поведение священника является верным признаком гордости, а Бог гордым противится. И потому ожидать какой-то пользы от общения с таким духовником невозможно.

В вопросе, с каким духовником можно советоваться, он ссылается на писания свт. Игнатия, который советовал: *«Постарайся найти хорошего, добросовестного духовника. Если найдешь его – и тем будь доволен, ныне добросовестные духовники – великая редкость».* *«Кому не извещается сердце, тому не открывай его»*, – говорит великий наставник иноков, преподобный Пимен, египетский пустынный. При этом свт. Игнатий предостерегает: *«Охранитесь от пристрастия к наставникам. Многие не остереглись и впали вместе с наставниками в сеть дьяволу... Пристрастие делает любимого человека кумиром: от приносимых этому кумиру жертв с гневом отвращается Бог... И теряется напрасно жизнь, погибают добрые дела».*

Игумен Никон повторяет как заповедь для верующих настоящего времени слова святителя

Игнатия о единственно возможном характере отношений между духовником и ищущим духовного наставления: *«По учению отцов, житительство... единственно приличествующее нашему времени, есть житительство под руководством отеческих писаний с советом преуспевших современных братьев; этот совет опять должно проверять по писанию отцов».* В наше время нет послушников, говорил он, а тем более старцев-руководителей. Поэтому остается один путь – жить, советуясь с разумным, знающим святых отцов, искренним духовным другом. И большое счастье, если таковой встретится. Как писал свт. Игнатий:

«Не только из среды мирян – из среды монашествующих крайне трудно найти советника, который бы, так сказать, измерил и взвесил душу, с ним советующуюся, из нее, из ее достоинства, преподал бы ей совет». К сожалению, эта святоотеческая истина редко принимается как пастырями, так и пасомыми. Ибо из первых многие заражены властолюбием. Среди вторых (особенно женщин) множество жаждущих иметь того, кто бы решал за них все вопросы жизни.

Перед своей кончиной игумен Никон своим близким прямо сказал: *«Никого не ищите».* Но они как-то не придали особого значения этим словам и искали. Но так и не нашли, хотя и встречали искренно благочестивых, очень добрых, читающих, но не имеющих той мудрости и силы духа, которые так непосредственно ощущались у игумена Никона.

О своих советах батюшка писал: *«В людях я разбираюсь, безусловно, плохо, вернее, просто отдаюсь внутреннему впечатлению (интуиции), которое у лиц, не очистившихся от страстей, не может быть вполне правильным. Поэтому пусть Т. и не придает полного зна-*

чения моим словам. Если найдет что верным или полезным, может принять, а если не верно, то я несколько не обижусь, когда мое мнение будет отвергнуто. Мало ли мы говорим бесполезных слов. Я и сам себе не очень верю».

На вопрос, как нужно относиться к спрашивающим, батюшка опять отвечал словами своего любимого учителя Игнатия: *«Говорю только вопрошающим, и то, когда уверен, что вопрошают искренно, по требованию души, а не мимоходом или по любопытству».*

* * *

Батюшка любил служить и относился к совершению богослужения, прежде всего, к литургии с особым чувством благоговения, что ощущалось всеми: и сослужителями в алтаре, и на клиросе, и молящимися. Совершал богослужение просто, сдержанно, сосредоточенно. Ни малейшей искусственности не было в его служении. Он вообще не переносил никакой вычурности в чтении, пении, поведении. «Артистам» делал строгие замечания, что, естественно, вызывало гнев любителей церковных «пьес», солистов и чтецов, жаждущих показать себя. Однажды такому «мастеру», начавшему читать шестопсалмие, не разрешил продолжать. Он запрещал петь некоторые песнопения, говоря, что это беснование перед Богом, а не молитва. Запретил, например, пение Херувимской «На разорение Москвы». Самые больные места в храме, мешающие молитве в храме, говорил он, это клирос, для которого богослужение – лишь повод для концертов, и церковная лавка, где торговля превышает все.

Батюшка часто повторял: церковным пением является лишь то, которое помогает молиться или, по меньшей мере, не мешает молитве. Если же песнопение не создает подобного настроения в душе, то хотя бы и принадлежало самому прославленному композитору, оно есть лишь игра «ветхих» чувств, плоти и крови.

Он запрещал кому-либо входить в алтарь, тем более стоять в нем и разговаривать.

* * *

Очень внимательно относился отец Никон к исповеди, особенно к приходившим редко, тем более – впервые. Стесняющимся и не знающим, как исповедоваться, он помогал наводящими вопросами. При этом был очень мягок и деликатен. Он предупреждал молодежь, готовящуюся к священнослужению, что с исповедью нужно быть очень осторожным, благоговейным и внимательным. Ибо исповедью священник может спасти человека, а может развратить и погубить, если начнет копать, особенно в плотских грехах. Человек должен грех назвать, а не его историю рассказывать, а тем более рассказывать о других людях. Он сетовал и на то, что многие верующие на исповеди вместо раскаяния в грехах начинают рассказывать о своей жизни, о своих житейских проблемах и других вопросах, не имеющих никакого отношения к Таинству Покаяния. Часто просто делают отчет о проделанных грехах, да еще пишут этот отчет на бумаге и зачитывают. Батюшка не одобрял такую практику, говоря, что исповедь заключается не в том, чтобы перечислить всё на свете (чего никто сделать не сможет), но в раскаянии в том, о чем болит душа, что подсказывает совесть, – а этого не забудешь. На исповеди нужно сказать самое главное и, прежде всего, покаяться в тяжелых грехах, особенно в тех, которые совершены против других людей.

В то же время он выражал сожаление, что многие из духовенства на исповеди обращают основное внимание не на нарушения заповедей Евангелия, на зависть, лицемерие, тщеславие, фарисейство, сребролюбие и проч., а на внешние дела, на церковную дисциплину: все ли правила выполнил, как часто ходил в храм, сколько говел перед Причастием, не съел ли молочка в пост и т. п. Это хотя и необходимо, но такие нарушения не столь загрязняют душу, как грехи

против заповедей Христовых. Он говорил: *«Комара отцеживают, а верблюда поглощают: правила можно вычитать, а причаститься в суд и осуждение»*.

Особенно его расстраивало, когда слышал, как некоторые священники на исповеди чисто механически «разрешают» верующего от грехов, нисколько не беспокоясь о чистоте его совести. В результате люди начинают смотреть на исповедь как на какой-то обряд, а не как на Таинство Покаяния.

Во время литургии игумен Никон не исповедовал, совершая это или до нее, или, если исповедующихся предполагалось большое число (например, в Великий пост), накануне вечером. Он говорил: *«Человек должен молиться во время литургии, а не стоять в очереди»*.

Если у человека на совести было что-то тяжелое или он не причащался много лет, то батюшка такого человека сразу к Причастию не допускал, благословляя ему сначала походить в течение какого-то времени на богослужения, а иногда откладывал Причащение до очередного поста. При этом он давал такому человеку исполнять дома небольшое правило: определенное количество земных (большим – поясных) поклонов и молитв Иисусовых или мытаря.

* * *

Батюшка часто повторял, что самые страшные враги священства – это, с одной стороны, человекоугодие, стремление понравиться народу, с другой – властолюбие, желание командовать людьми, иметь духовных чад (послушных рабов). Это стремление превращает священника в достойного сожаления фарисея, отвергнутого Богом и вызывающего осуждение и насмешки у людей. Такой священник, ищущий славы от людей, находится в прелести. Об этом он говорил всегда с особой горячностью.

Разрушающей веру и Церковь, считал он, практику исполнения так называемых треб, когда священнодействия совершаются скороговоркой, неразборчиво, как-нибудь. Лучше уж меньше прочитать, говорил он, но с благоговением, отчетливо, понятно, нежели так кощунствовать над словами молитв и словом Божиим. Но его требования такого чтения и пения при совершении Таинств Крещения, Брака, Елеосвящения, или молебна, панихиды и т. д., естественно, вызвали негодование у тех, которые считали, что главное – всё вычитать как положено. А понимают ли при этом люди и молятся ли они – это не имеет никакого значения. Помню, как псаломщица-монахиня, которая вечно спешила и читала молитвы кое-как, сливая фразы и слова, очень возмущалась на такие требования батюшки.

* * *

Отец Никон был очень строгим по отношению к себе (но не к другим). Вставал всегда не позже шести часов, ложился около двенадцати. В неслужебные дни до самого завтрака, который бывал где-то в одиннадцать часов, молился. Молился и днем, делая пятисотницу (триста молитв Иисусовых, сто – Божией Матери и по пятьдесят – всем святым и Ангелу хранителю), приглашая иногда к этому и домашних. Ел мало. Вино пил очень редко, немного, по каким-либо случаям и только сухое.

У него был дар непрестанной молитвы, который обнаружился случайно. Однажды он так угорел в бане, что потерял сознание. И когда его несли, то окружающие с удивлением услышали, как он, не приходя в себя, непрерывно произносил молитву Иисусову. Особенно поражены были этим прибывшие медработники скорой помощи.

Он не позволял сделать для себя какую-либо услугу, принести что-либо, убрать и т. д. Считал, что без крайней нужды пользоваться трудом другого человека грешно. Он вменил себе в обязанность некоторые домашние и хозяйственные дела, например, в холодное время года загружал и вычищал котел, который топился углем и был очень неудобным для пользова-

ния, делал парники, высаживал в них огурцы, помидоры, копал огород, обрабатывал плодовые деревья и кустарники, пилил и колол дрова и т. д.

С трудом, поскольку был очень больным, кряхтя, но всё делал сам. Четыре года, проведенные в лагере, чрезвычайно подорвали его здоровье. Более всего он страдал от болезни сердца, суставов рук, ног, поясницы. Но пока были силы, много трудился физически. Трудился до полного изнеможения, до пота, часто меняя белье.

Он вообще не выносил праздности и всегда чем-нибудь занимался. Насадил огромный сад в Вышнем Волочке, два сада в Козельске. В Гжатске – не только большой сад, но из своего питомника снабдил и всех желающих в городе яблонями, вишнями, грушами, смородиной.

А желающих было много, поскольку батюшка все давал бесплатно. Много пришлось ему проводить и строительно-ремонтных работ.

* * *

Вел себя батюшка чрезвычайно просто. С ним легко было разговаривать, несмотря на разницу в возрасте. Был рад, когда задавали вопросы по существу, особенно о духовной жизни. Не против был иногда и пофилософствовать, и побогословствовать. Но терпеть не мог пустых разговоров, воспоминаний, пересудов и т. п.

Часто, когда его младшие братья, племянники и близкие (лет на 30–40 моложе его) играли в городки, батюшка подходил к ним и быстро спасал отстающую команду. Никто из молодежи не мог состязаться с ним в меткости бросания палок. В несколько ударов он выручал отстающих. Приходилось удивляться, как в его больших руках сохранилась такая точность.

Был случай, когда в течение летних месяцев он чуть ли не ежедневно играл в шахматы с одним подростком. А затем вдруг не только перестал играть, но и назвал это бесовской игрой, отнимающей у человека драгоценное время. Потом мальчишка понял, как батюшка спас его в этот период от улицы.

Батюшка очень любил лес, который был в пяти минутах ходьбы от дома. Ходил в любое время года. Летом ходить за грибами с ним обычно собиралась целая команда, от мала до велика, поскольку в это время и к батюшке, и к его близким приезжали их братья, сестры, дети, внуки, племянники, знакомые. Но было не просто весело, а и полезно. Поскольку на привале обычно начинались вопросы, ответы, серьезные разговоры.

* * *

Постоянным чтением игумена Никона были святоотеческие творения, отцы Добротолюбия, жития святых, проповеди, толкования, редко – учено-богословские и философские сочинения. Особенно тщательно и постоянно он перечитывал, изучал творения святителя Игнатия (Брянчанинова), которого в качестве истинно духовного отца настоятельно завещал всем своим духовно близким. Его творения батюшка считал лучшим руководством в духовной жизни для нашего времени, более даже необходимым, чем древние святые отцы. Ибо древние, говорил он, преимущественно обращали свое слово к подвижникам, находящимся на высокой ступени духовного развития, до которых нам бесконечно далеко, а мы, не поняв этого и прочитав их советы, можем пойти совсем не туда. Святитель же Игнатий фактически переложил для нас древних отцов с учетом того глубокого духовного обнищания, которое характеризует наше время.

Вообще он много читал. Если ему в руки попадала интересная книга, то он не расставался с ней целый день, мог не спать и ночь, пока не прочитывал ее. Так, за одни сутки он прочитал «Старца Силуана» иеромонаха Софрония (Сахарова) и сделал ряд критических замечаний по

поводу рассуждений в этой книге отца Софрония. Зная французский и немецкий языки, он иногда читал и иностранную литературу.

Он никогда не оставлял на будущее разрешение вопроса, возникшего при чтении Священного Писания. Сразу же брал имеющиеся у него толкования: святителя Иоанна Златоуста, блаженного Феофилакта, святителя Феофана (Говорова), архиепископа Никифора (Феотоки), архимандрита (потом епископа) Михаила (Лузина), протоиерея Василия Гречулевича, Александра Иванова. Толкование отдельных мест находил в творениях святых отцов, преимущественно аскетических, которые постоянно и тщательно изучал.

Батюшка хорошо был знаком с классической литературой и философией древнегреческой, европейской, русской. Особенно ценил сочинения Ф.М. Достоевского, восхищаясь глубиной его анализа человеческой души. Говорил об отце Павле Флоренском, отце Сергии Булгакове, В.С. Соловьеве. Возмущался Н. Бердяевым. Хвалил А.С. Хомякова, И. Киреевского, вообще первых славянофилов.

* * *

По отношению к людям батюшка был различен. С некоторыми разговаривал спокойно, других утешал, а иных и обличал. Это видно и по его письмам. Вообще он был человеком, который не знал, что такое человекоугодие и очень не любил людей льстивых, лукавых. Последним от него обычно доставалось. Он говорил, что льстит тот, кто сам жаждет получить похвалу, и самый отвратительный человек – лукавый. Очень боялся дешевой народной молвы. Говорил, что ничего не стоит стать «святым» и поймать простой народ: достаточно начать толковать Апокалипсис, говорить о конце света и антихристе, проползти на четвереньках вокруг храма. Особенно легко уловить народ, начать раздавать просфоры, соборное масло, святую воду и другие святыни с «рецептом» их применения при различных болезнях и житейских скорбях. Народ всегда ищет чудотворцев, прозорливцев, утешителей в скорбях, целителей от болезней, пьянства, но очень редко – того, кто помог бы ему избавиться от душевных страстей.

«Народ в своем подавляющем большинстве, – скорбел батюшка, – совершенно не знает христианства и ищет не пути спасения, не вечной жизни, а тех, кто бы помог ему что-то «сделать», чтобы сразу избавиться от той или иной скорби». Приходящим к нему с подобным настроением он говорил: *«Не хочешь скорбей – не греши, раскайся искренне в своих грехах и неправдах, не делай зла ближним ни делом, ни словом, ни даже мыслью, почаще храм посещай, не откладывай надолго причащение, молись, относись с милосердием к своим близким, соседям, прощай всех, тогда Господь и тебя помилует и, если полезно, то и от скорби освободит».*

Некоторые после таких слов уходили недовольными, так как он не сказал, какую молитву читать или перед какой иконой молебен с акафистом заказать, или что «сделать», чтобы коровка молочко давала и муж не пил, но строго говорил о необходимости примириться со всеми, перестать воду подливать в молоко, прекратить воровать, лгать, обманывать.

* * *

Батюшка начал чувствовать особое недомогание зимой 1962–1963 гг. 1 ноября 1962 года он писал: *«Чувствую себя слабо, мысли о смерти не отступают от меня. Я вижу, что если доживу до 1963 года, то не проживу его. Лично для меня смерть желанна. Я знаю, что есть будущая жизнь, есть милость Божия к нам, есть для верующих в Господа Иисуса Христа несомненная надежда войти в блаженную, а не мучительную вечную жизнь».*

«Жить мне никогда не хотелось и теперь не хочется. Только желание помочь нуждающимся еще поддерживает интерес к жизни. Сам же по себе я, кажется, в любую минуту

рад был бы покинуть мир сей. Страшит, конечно, неподготовленность, но и это умеряется надеждой на милосердие Божие».

Постепенно он все больше слабел, скорее стал уставать, меньше есть. Перед кончиной он более двух месяцев не принимал никакой пищи, и до этого больше месяца ел только раз в день немного молока и ягод. Но никто не замечал в нем уныния или скорби. Он был спокоен, сосредоточен и большей частью даже с легкой улыбкой на лице. Почти до самой кончины был на ногах. Слег только за десять дней до смерти, окончательно обессилев. Врача вызывать не разрешил.

Под Успение Божией Матери последний раз исповедовал своих близких. Сам, когда уже не мог прийти до храма, причащался дома. До смерти был в полном и ясном сознании и из последних сил наставлял окружающих. Завещал хранить веру всемерным исполнением заповедей и покаянием, всячески держаться святителя Игнатия (Брянчанинова), особенно избегать суеты, совершенно опустошающей душу и уводящей от Бога.

Скорбящим у его постели говорил: *«Меня нечего жалеть. Надо благодарить Бога, что я уже окончил земной путь. Никогда мне не хотелось жить, не видел я ничего интересного в этой жизни и всегда удивлялся, как это другие находят что-то в ней и цепляются за нее из последних сил. Хотя я ничего не сделал за свою жизнь доброго, но искренне всегда стремился к Богу. Поэтому надеюсь всей душой на милость Божию. Не может Господь отринуть человека, который всегда всеми силами стремился к Нему. Мне вас жалко. Что-то вас еще ожидает? Живые будут завидовать мертвым».*

Замечательны были те спокойствие и мужество, с которыми батюшка шел к своему смертному часу. У окружающих это часто вызывало едва сдерживаемые слезы. Все видели, что он умирает, но никто не хотел в это верить.

Никаких жалоб от него не слышали. «Батюшка, больно?» – «Нет. Так, кое-когда неприятные ощущения». Купили на смерть тапочки. С веселой улыбкой примерил: «Вот хороши». Сделали покрывало на гроб – посмотрел и нашел ошибку в надписании. Увидел, как понесли гроб для него, и был доволен, что все готово. Так умирают истинные христиане.

Когда спросили батюшку, как и где хоронить, он ответил: «Бесполезно говорить, потому что этого никогда не исполняют». Но когда ближние, уже определив (тайно от него) место для погребения, пришли к его постели, он сразу же спросил их: «Ну, как, нашли мне место?» Вообще, в период последней болезни батюшка особенно часто удивлял своей прозорливостью. За несколько дней до своей кончины он неожиданно попросил найти и вслух зачитать то место в жизнеописании старца Амвросия Оптинского, где говорится о запахе тления, появившемся от его тела по смерти. Смысл этой странной просьбы открылся вскоре.

Последнее время мы беспокоились, как бы батюшка не умер в наше отсутствие. Но он твердо заверил нас: «Не беспокойтесь, не умру без вас. Когда надо, всех позову». И действительно, когда 7 сентября в полдень он тихо кончался, все собрались около него в эти минуты и со свечами в руках совершили отходные молитвы. Верно, всех он позвал.

В храме круглосуточно поочередно (по часу) над гробом читалось Евангелие. И вот, во второй половине ночи на 9 сентября (день погребения) двое из читавших вдруг почувствовали от гроба признаки тления. Огорчение трудно передать – что же будет за литургией, на отпевании, когда храм будет полон народа?

Однако произошло нечто удивительное. Запах продолжался только два часа. И затем также неожиданно прекратился. При последующем чтении Евангелия, совершении литургии, отпевании, во время погребения уже не было ни малейшего его ощущения! Так обнаружилась тайна просьбы батюшки зачитать указанное место из жития преподобного Амвросия Оптинского. Запах тления удостоверял его кончину (бывают случаи и летаргического сна). А неожиданное и полное прекращение признаков тления – явное действие благодати Божией.

Храм в день погребения был переполнен, как на Пасху, люди стояли со свечами. Это было не удивительно – люди искренне переживали и пришли почтить и молитвенно проводить в вечность своего любимого наставника. Другое поразило очень многих. Особая, тихая и непонятная радость царила во все время совершаемых заупокойных богослужений. Родные и близкие игумена Никона с удивлением говорили, что весь этот день прощания с самым дорогим человеком неожиданно оказался для них днем не скорби, но необычного большого торжественного праздника.

Невольно вспоминаются слова святителя Игнатия: *«Видел ли кто тело праведника, оставленное душою? Нет от него зловония, не страшно приближение к нему; при погребении его печаль растворена какою-то непостижимой радостью. Черты лица, застывшие такими, какими они изобразились в минуты исшествия души, иногда почивают в глубочайшем спокойствии, а иногда светит в них радость усладительных встречи и целования – конечно, с Ангелами и с ликами святых, которые посылаются с неба за душами праведников».*

Вечная память тебе, дорогой наш Батюшка!

Алексей Осипов

Адресаты писем игумена Никона

Иеросхимонах Мелетий (Бармин, †12 ноября 1959). Последний постриженник преподобного Амвросия Оптинского и последний духовник женской Шамординой обители, расположенной в Калужской области недалеко от г. Козельска. Его могила в Оптиной пустыне.

Схимонахиня Валентина (†1957), насельница Шамордина женского монастыря (теперь возрожденного).

Монахиня Мария (Мариша, по паспорту Марина) и ее сестра **Катя** (Комаровы), жившие вместе со схимонахиней Валентиной в г. Козельске. Скончались в 60–70 гг.

Монахиня Евпраксия (в миру Елизавета, †1958).

Монахиня Павлина (Сидорцова, †1959), прозванная Скворцом за свою разговорчивость и «учительность». 10 лет провела в лагерях. Жила в разных половинах одного дома с Лизой (монахиней Евпраксией).

Монахиня Сергия (в миру Татьяна Ивановна Клименко. 1901–1993). Последние годы жизни провела в Пюхтицком монастыре.

Маниловы Екатерина и ее муж **Сергей**. После смерти мужа в конце жизни Екатерина приняла постриг с именем Херувимы в Шамординой обители, где и скончалась в 1995 году.

Храм Вознесения Христова, в котором последние 15 лет своей жизни служил игумен Никон

Ольга Михайловна Н. (р. 1933 г.), принявшая монашеский постриг с именем Магдалины. **Юлия Алексеевна Зражевская** (1913–2006), московский врач, кандидат медицинских наук, перед кончиной приняла монашеский постриг с именем Серафимы.

Вера Николаевна Зарудная (†1960). Двоюродная сестра известного протоиерея Всеволода Шпиллера, настоятеля Московского Николо-Кузнецкого храма. Подруга Ю.А. Зражевской.

Александра Белокопытова, девушка из Смоленска, поступившая в Рижский монастырь. Более десяти лет до самой своей кончины (в конце 50-х годов) несла послушание в скиту («пустыньке») этого монастыря.

Елена Витальевна, прихожанка из козельской интеллигенции.

Елизавета Дмитриевна Целовальникова (р. в 1928 г.). В пятнадцать лет у нее случилась парализация рук и ног. Руки полностью исцелены игуменом Никоном на праздник Успения Божией Матери.

Лидия Васильевна Недзялковская из Вышнего Волочка, скончалась в Смоленске в 70-х годах.

Надя и ее мать **Надежда Михайловна Евдокимовы** из Вышнего Волочка.

Студенты Московской духовной академии.

У дома

Письма иеросхимонаху Мелетию

1/II–58 г.

г. Гжатск

Дорогой глубокоуважаемый о. Мелетий!

К Вашим собственным недомоганиям прибавилась еще скорбь. Болеет, я слышу, мать Анна, она скорбела за Вас, а теперь вы друг о друге скорбите. Да поможет и подаст вам Господь терпение. Дорогие о. Мелетий и м. Анна, хотя суды Божии и скрыты от нас, но полезное для спасающихся Господь открыл святым Своим, а они многое записали для нашего утешения и назидания.

Так, святые угодники объясняют нам, что в последние времена монашества не будет вовсе или кое-где останется наружность, но без делания монашеского.

Не будет никаких собственных подвигов у ищущих Царствия Божия. Спасаться же будут только терпением скорбей и болезней. Почему не будет подвигов? Потому что не будет в людях смирения, а без смирения подвиги принесут больше вреда, чем пользы, даже могут погубить человека, так как они невольно вызывают высокое мнение о себе у подвизающихся и рожают прелесть. Только при руководстве очень опытных духовных людей могли быть допущены те или иные подвиги, но их теперь нет, не найти. Руководителем теперь является Сам Господь, да отчасти книги, кто имеет их и может понимать. Как же руководит Господь? Попускает гонения, оскорбления, болезни, длительную старость с тяготой и немощами.

В притче о хозяине, нанимавшем работников, сказано, что пришедшие в единонадесятый час получают плату наравне с проработавшими весь день и даже раньше их. Эта притча применима к нам, современным монахам и искателям Царствия Божия, прошедшим весь день земной жизни нерадиво. Однако, по крайнему милосердию Своему, Господь призывает нас в последний период жизни поработать в Его винограднике терпением старости, болезней, потерей близких или их страданиями. Если безропотно понесем эти тяготы, то и нам вменится это кратковременное страдание, как работникам единонадесятого часа, как будто бы мы подвизались всю жизнь. Более того, Антоний Великий, авва Исхирион и другие утверждают, что спасающиеся в последние времена безропотным терпением скорбей, будут прославлены выше древних отцов.

Дорогие о. Мелетий и м. Анна, явно, что Господь, любя вас и желая прославить, посылает вам скорби и болезни. Итак, мужайтесь, терпите Господа, и Он возьмет вас с креста вашего в славу сынов Своих, в вечную Пасху, в неизреченную радость, где забудутся все скорби земной жизни.

Преподобный Серафим, Саровский чудотворец, в согласии с древними св. отцами говорил, что если бы человек знал, какие блаженства уготовлены спасающимся, то согласился бы тысячу лет жить в келии, наполненной гадами, грызущими его тело, только бы не лишиться будущего блага⁷.

Терпением вашим стяжите души ваши. Да поможет вам Господь до конца донести посланные вам кресты. Аминь.

Глубоко сочувствующий вам желатель спасения вашего и уверенный в Вашем спасении, недостойный иеромонах Никон.

⁷ Мотовилов передает эти слова так: «Если бы сама эта келия наша была полна червей и если бы черви эти ели плоть нашу во всю временную жизнь, то всяким желанием надобно бы на это согласиться, чтобы не лишиться той небесной радости, какую уготовал Бог любящим Его».

* * *

20/V–1958 г.

Получил письмо от Вас. Простите, что долго не отвечал. То работы, то уезжал, так и прошло порядочно времени, а главное, я затрудняюсь писать Вам и потому, что Вы гораздо опытнее меня, больше испытали, больше знаете. Что полезного или утешительного может сказать человек, проживший всю жизнь в суете и самоволии. Но по просьбе Вашей попытаюсь поделиться с Вами тем, что поражает меня и утешает: необъятная вселенная создана Богом – каково же могущество Божие?! Все во вселенной в целом и в ее частях (например, в человеческом организме) находится в дивной гармонии – какова должна быть премудрость Божия?! Если все гармонично в мире, созданном Богом, то должна быть гармония (то есть соответствие) и в свойствах Божиих. И каково могущество Божие и премудрость Божия, таково и «сердце» Божие, то есть любовь Божия.

Эту непостижимую любовь мы и видим в воплощении Сына Божия Господа Иисуса Христа, в принятии оплеваний, заушений, всяких оскорблений и, наконец, распятия. Непостижима, бесконечно велика любовь Божия. Весь Ангельский мир пришел в смятение, видя воплощение и распятие Творца мира из любви к падшему роду человеческому.

Апостол Иоанн утверждает Духом Святым, что *Бог есть Любовь*, а не только имеет любовь, хотя и бесконечно великую.

Любовь же все покрывает, по слову апостола Павла. Покрывает она и наши грехи, недостатки, немощи, нетерпение, ропотливость и проч.

Стоит только верующему во Христа осознать свои немощи и грехи и попросить прощения, как любовь Божия очищает и исцеляет все раны греховные. Грехи всего мира тонут в море любви Божией, как брошенный в воду камень.

Не должно быть места унынию, безнадежии, отчаянию! Господь соединил с Божественною сущностью природу человеческую, омыл Своею кровию грехи всего верующего человечества, усыновил Себе падших людей, вознес на небо, сделав причастниками Божественной жизни и радости, радости навеки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.